

ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Ю. Ю. Тереня

ПРОБЛЕМАТИКА ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ (1920–1940 гг.)

УДК 070:37.01

ББК 76.02

В статье раскрывается роль педагогических журналов русского зарубежья 1920–1940 гг. в решении педагогических проблем воспитания и образования русских детей в эмиграции.

Ключевые слова: педагогические журналы русского зарубежья; воспитание и образование русских детей в эмиграции.

Yu. Yu. Terenia

ISSUES OF PEDAGOGICAL JOURNALS IN RUSSIAN NEAR-ABROAD COUNTRIES (1920–1940)

The article reveals the role of pedagogical journals in Russian near-abroad countries in solving educational problems of upbringing and education of children in the Russian emigration in 1920-1940s.

Key words: pedagogical journals in Russian near-abroad countries; upbringing and education of children in the Russian emigration.

Трагическая судьба детской и юношеской эмиграции, нуждавшейся в социально-педагогической защите и образовании, в освоении элементарных навыков существования в инокультурной и иноязычной среде, в осмыслении возможных жизненных перспектив, оказалась в центре внимания общественно-педагогического движения русского зарубежья «первой волны». Рассматривая свое пребывание за гра-

ницей как временное явление, русские люди в условиях эмиграции старались сохранить подрастающее поколение как физически, так и нравственно, духовно. «В детях наше будущее, — отмечали педагоги, — и если мы хотим видеть будущее поколение, идущее нам на смену, религиозным, преданным Родине и умеющим работать, мы должны приложить все усилия, чтобы сделать их таковыми» [17. С. 22].

В решении педагогических проблем в эмиграции многогранна и значима роль педагогических журналов русского зарубежья 1920—1940 гг., которые раскрывали материальные и правовые проблемы подрастающего поколения и учительства, вопросы взаимоотношений семьи и школы, выполняли ценностно-ориентационную и стимулирующую функции.

Наибольший вклад в решение проблем воспитания и образования русских детей в эмиграции внесли педагогические журналы «Русская школа за рубежом» (Прага, 1923—1931), «Русская школа» (Прага, 1934—1940), «Бюллетень (Вестник) Педагогического бюро» (Прага, 1923—1931), «Вестник самообразования» (Берлин, 1922—1924), «Вопросы школьной жизни» (Харбин, 1934—1937), «День русского ребенка» (Сан-Франциско, 1934—1955), «Вопросы религиозного воспитания и образования» (Париж, 1927—1928) и др. Ретроспективный анализ многочисленных публикаций в этих журналах дает возможность выделить основные педагогические проблемы русского зарубежья, проследить их зарождение и развитие, а также выявить пути их разрешения и претворения в практику зарубежных русских школ.

Анализ показал, что основная проблематика педагогических журналов русского зарубежья 1920—1940 гг. включает в себя следующие направления:

— учет численности и возрастного состава русских детей в разных странах проживания эмигрантов;

— социально-психологическая защита детства в эмиграции;

— кризис эмигрантской семьи и выявление роли семьи в воспитании и национальном самосохранении детей в эмиграции;

— преодоление процесса денационализации детей и юношества;

— проблемы создания системы национального образования и воспитания;

— проблемы учителей русских школ и выявление роли учителя в решении психолого-педагогических проблем детей в эмиграции;

— организация и функционирование эмигрантской русской школы в разных странах;

— теория и практика преподавания цикла «Россия» в русских школах за рубежом как средства национального самосохранения.

Значительное место в педагогических журналах русского зарубежья 1920—1940 гг. занимает вопрос об *учете численности русских детей в разных странах проживания эмигрантов*. Как показывает анализ материалов, распределение подрастающего поколения по зарубежным странам было неравномерным. Так, согласно докладу Международному съезду преподавателей средней школы, опубликованному в «Бюллетене Педагогического бюро», по состоянию на август 1923 г. общее число детей русских беженцев в Латвии превышало 6 тыс. человек, в Польше насчитывалось до 8, в Румынии — до 5, а в Финляндии — до 4 тыс. детей, в Болгарии общее число русских детей определялось в 2,5 тыс. чело-

век, в Королевстве сербов, хорватов и словенцев — свыше 3 тыс. [5. С. 15—17]. По материалам съезда деятелей средней и низшей русской школы за границей, освещенным в журнале «Русская школа за рубежом», видно, что к апрелю 1923 г. в Эстонии общее число детей и подростков достигало 10 тыс. 700 человек, в Югославии находилось свыше 3 тыс. учащихся, а в Чехословакии количество детей было относительно невелико — около 1 тыс. человек [2. С. 20—22]. В Китае, по состоянию на ноябрь 1934 г., обучалось около 7,5 тыс. учащихся [16. С. 35]. Русские дети проживали также в Германии, во Франции, в Греции, Венгрии, Бельгии, Австрии, Англии, Швейцарии, Италии, США, однако их учет там не проводился, и точных данных о численности детской эмиграции в педагогических журналах не имеется.

Особое внимание на страницах педагогических журналов русского зарубежья уделялось вопросу *социально-психологической защиты детства в эмиграции*, в рамках которого были проанализированы статьи «Воспоминания 500 русских детей» с предисловием В. В. Зеньковского, П. Д. Долгорукова «Русская беженская школа», А. П. Дехтерева «Школьный год (дневник воспитателя)», В. В. Зеньковского «Детская душа в дни революции и теперь», С. И. Карцевского «Человеческие документы: воспоминания детей-беженцев из России», В. В. Руднева «Условия жизни детей эмиграции» и др.

Анализ показал, что особенности существования подрастающего поко-

ления в инородной среде требовали неотложного рассмотрения вопроса социально-психологической защиты детства, который осложнялся особой психологией русских детей. Детская душа, вырванная из родной среды, была глубоко потрясена тремя событиями: революцией, гражданской войной и эмиграцией. Страницы педагогических журналов пестрят историями о том, что представляло собой подрастающее поколение эмиграции в психологическом отношении, какие душевные травмы оно перенесло. Так, П. Д. Долгоруков подчеркивал, что приходилось работать с детьми, «выбитыми из колеи в младшем возрасте от беспризорности, а в старшем от пребывания сплошь да рядом на фронте европейской войны, от участия в гражданской войне и от самостоятельной борьбы за существование в беженской обстановке» [6. С. 73].

Тяжелая жизнь, пережитое горе, а часто и испытание жестокостью перестроили психику подрастающего поколения, обусловили особенную «беженскую психологию». Директор Шуменской школы-интерната А. П. Дехтерев говорил, что «дети, преодолевшие гражданскую войну и осилившие эмиграцию, — вне прошлого. У них иная психика, иные нервы, иные понятия об отношениях. По-моему, у них даже состав крови другой» [4. С. 33]. В. В. Зеньковский на страницах журнала «День русского ребенка» отмечал: «Детская душа в наши дни напоминает полуразрушенный дом, в котором уцелело только несколько жилых помещений, — а все остальное разрушено, измято, сломано, исковеркано. <...>

Душа их, конечно, безостановочно лечит самое себя, но наш долг всячески помогать им в этом, ибо справиться с тем тяжким бременем, с тем ядом, который отравил детскую душу, им самим нелегко. <...> Во имя детей, во имя будущего нашей Родины, мы должны найти в себе силы для решения этой нелегкой задачи и помочь детям» [8. С. 95].

Решение проблемы социально-психологической защиты детства в эмиграции находилось в тесной взаимосвязи с вопросом о выявлении *роли семьи в воспитании и национальном самосохранении детей в эмиграции*, что выявляется при исследовании педагогических журналов русского зарубежья 1920–1940 гг. Часть детей имели неполную семью, у других родители остались в России или погибли, некоторые ничего не знали о судьбе родителей. Так, согласно статистическим данным, опубликованным в «Бюллетене Педагогического бюро», к 1922 г. в самой большой гимназии Моравской Тршебове в сиротском положении находилось более 45 % детей, к сентябрю 1924 г. в Болгарии из 653 учащихся трех гимназий процент детей-сирот, полусирот и потерявших родителей составил 34,4 % [15. С. 73].

Однако и полноценная семья не всегда выполняла свои функции. Вот, например, какую картину жизни детей в эмиграции рисует Н. А. Рауш-Траубенберг в журнале «Русская школа за рубежом»: «Русский ребенок в Чехии живет в атмосфере очень бедной интеллигентной трудовой семьи; эта семья по своему духовному

уровню могла бы дать своему ребенку достаточное нравственное и умственное развитие, но условиями жизни и недостаточностью средств возможность эта ограничивается настолько, что в иных случаях сводится к нулю. И мать, и отец усиленно учатся, с утра уходят в университет, возвращаются домой поздно вечером; ребенок остается один и подпадает случайным влиянием домохозяев, соседей, товарищей по уличным играм» [11. С. 441]. Вследствие низкой оплаты труда эмигрантов и непостоянства их заработка прожиточный минимум мог быть обеспечен только работой всех членов семьи, включая и стариков. Тяжелые условия жизни заставляли родителей часто искать заработок вдали от дома, что являлось причиной их долгого отсутствия. Детский промышленный труд становился широко распространенным явлением среди более нуждающейся части русской эмиграции. Лишаясь своего внутреннего духовного содержания, семья в условиях эмиграции переставала существовать. В этом заключались трагедия и кризис эмигрантской трудовой семьи.

Большая часть статей, посвященных вопросам социально-психологической защиты детства, затрагивает проблемы материальных условий жизни эмигрантских семей. Известный публицист, критик, общественный деятель В. В. Руднев в своем очерке «Условия жизни детей эмиграции», опубликованном в журнале «Русская школа за рубежом», показал, как на детском развитии отражаются материальные условия быта: «Обычно

одна семья из 5—7 человек занимала квартиру в 1—2 комнаты. В маленьких комнатах скученно живут взрослые и дети обоего пола. Здесь же спят, готовят кушанье, едят, стирают белье и часто тут же семья занимается каким-нибудь кустарным ремеслом. Духота, пыль, грязь. Сырость, холод, недостаток света» [13. С. 183]. Нехватка денежных средств заставляла скуπиться на питании. Вот, например, из чего состояло повседневное домашнее питание детей эмигрантской бедноты в Болгарии: картофель без жиров, луковица, иногда ничтожная порция овечьего сыра при недостаточном количестве хлеба — обычное меню обедов и ужинов [13. С. 184—185]. Многие дети не имели достаточного количества одежды, обуви. В Польше, например, «теплая одежда русских детей — крайняя редкость; большинство носит легкую и рваную одежду» [13. С. 192]. Недоедание, плохие жилищные условия, одежда и обувь являлись основной причиной повышенной заболеваемости детей. Истощенный организм представлял благоприятную почву для развития болезней в связи с пониженным иммунитетом. Более чем у половины детей имелось малокровие в разных степенях, бронхит, нередко встречались случаи туберкулеза.

Значительное место на страницах педагогических журналов занимали статьи о денационализации русских детей и юношества в эмиграции, нравственной деградации подрастающего поколения, потере ценностных ориентаций, снижении уровня культуры, забвении религиозных традиций и родного языка. Изучение пе-

дагогических изданий показало, что в обсуждении проблемы преодоления процесса денационализации русских детей принимали участие ведущие педагоги, ученые, психологи и философы русского зарубежья: А. А. Бем, С. И. Гессен, В. В. Зеньковский, И. А. Ильин, А. Павлов, А. Петров, В. В. Руднев, С. Четвериков и др.

В. В. Зеньковский в статье «Проблема школьного воспитания в эмиграции» писал: «Для нашей молодежи, а тем более детей, отрыв от родины, отсутствие живой и глубокой связи с родной стихией... лишает душу того питания, без которого трудно созреть и сформироваться личности. <...> Как растения, пересаженные на чужую почву, юные души остаются без питательных соков, им необходимых. Они на поверхности вбирают в себя все то, что дает им заграничная обстановка, но глубины души, требующие того, что соответствует национальному типу, остаются без питания, раскрываются односторонне и неполно» [7. С. 173].

Как показывает анализ материалов, проблема «сохранения русских детей русскими» поднималась на многих съездах и совещаниях по вопросам подрастающего поколения в эмиграции, а также получила широкое развитие на страницах педагогических журналов русского зарубежья 1920—1940 гг., где, помимо теоретических статей, печатались материалы о мерах борьбы против денационализации русских беженских детей в различных странах, а отдельный выпуск «Изданий Педагогического бюро» посвящен совещанию по борьбе с

денационализацией, проходящему в Праге 4—5 октября 1924 г.

На совещании Педагогическое бюро выработало программу действий по борьбе с денационализацией: широкая информация русской общественности о надвигающейся опасности; создание культурно-национальных объединений; развитие системы русских школ при пересмотре программ преподавания с учетом значения отдельных предметов в системе национального воспитания; развитие системы внешкольного образования; активизация литературно-издательской деятельности в области издания русской классики и детской литературы; всемерная поддержка форм русского быта; моральная и материальная помощь детям-сиротам; организация праздников русской культуры [14. С. 4—5].

Особое место в педагогических журналах русского зарубежья 1920—1940 гг. занимали работы, затрагивающие проблемы *создания системы национального образования и воспитания*, которая включила в себя комплекс учебных заведений и внешкольных учреждений, осуществлявших образование и воспитание подрастающего поколения путем создания русского микросоциума. Вот лишь некоторые из статей, опубликованных по данному вопросу на страницах педагогических журналов: А. П. Дехтерев «Новое в отношениях семьи и школы», А. П. Долгоруков «О мерах борьбы против денационализации русских беженских детей», В. В. Зеньковский «Воспитательная проблема в школе», И. А. Ильин «Рождение чувства Родины», Л. Рклицкая «Дети,

лишенные Родины», В. В. Руднев «Судьбы эмигрантской школы».

Анализ указанных работ показал, что главенствующая роль в решении педагогических проблем принадлежала русским учебным заведениям за границей. В условиях эмиграции детские сады, школы, интернаты рассматривались не просто как образовательные учреждения, а прежде всего как формы социальной защиты и спасения подрастающего поколения для будущей России. У русской школы за рубежом была своя специальная задача, которой не было ни у одной школы: «сохранить русскую культуру, привить детям и сохранить в них любовь ко всему родному — русскому, научить их понимать красоту родного языка, родного искусства, понять и оценить родную историю, только тогда можно будет сохранить наших детей от страшной денационализации, от того ассимилирования с иностранцами, которое, к сожалению, уже замечается в некоторых странах, — говорилось в 1924 г. в «Бюллетене Педагогического бюро». — Нужно создать особую, чисто русскую атмосферу в такой школе, надо стремиться к тому, чтобы эта школа представляла маленький уголок России, где “русский дух, где Русью пахнет”. <...> Итак, сохранить национальную культуру, приучить детей любить все русское, и воспитать подрастающее поколение для будущей России, закалить его волю, выработать твердый характер — вот основные задачи эмигрантской школы» [9. С. 107].

Наряду с выявлением путей решения проблемы денационализа-

ции подрастающего поколения, на страницах педагогических журналов 1920–1940 гг. пристальное внимание уделяется *проблемам учителей русских школ и выявлению роли учителя в решении психолого-педагогических проблем детей эмиграции*. В разработку этих вопросов большой вклад внесла статья А. Петрова «Материалы к исследованию положения русской школы и учительства за границей», опубликованная в «Бюллетене Педагогического бюро», в которой он изложил статистические данные о численности русских учителей в странах Европы, их возрастном составе, образовании, привел информацию о педагогической деятельности в эмигрантских учебных заведениях.

По данным А. Петрова, в среде русской интеллигенции, обосновавшейся за границей, видное место занимали преподавательские силы, начиная от профессоров и заканчивая учителями начальной школы. По статистике, к 1923–1924 гг. наибольшее число русских учителей было сосредоточено в Королевстве СХС, Чехословакии и Болгарии, т. е. в тех странах, которые оказали наибольшую помощь русским беженцам. Так, к марту 1924 г. в Королевстве СХС насчитывалось 374 учителя, в Чехословакии — 109 человек, в Финляндии на март 1924 г. — 126, в Литве — 21 человек [9. С. 100], а в Болгарии, по данным на апрель 1923 г., насчитывалось 245 человек преподавательского состава [3. С. 64]. Точной информации о численности преподавателей в Польше не имеется. По приблизительным подсчетам, здесь было около

тысячи русских учителей, в число которых входили и учителя-эмигранты. В Турции, Эстонии, Литве численность преподавателей к началу марта 1924 г. составляла 30, 72 и 21 человек соответственно. Несколько иной была ситуация в странах Западной Европы, что обуславливается политикой стран по отношению к эмигрантам. Согласно анкетированию, проводившемуся Объединением русских учительских организаций за границей в начале 1924 г., число учителей-эмигрантов в странах Западной Европы колебалось в пределах 45 человек и меньше [9. С. 100].

По подсчетам А. Петрова, возрастной состав преподавателей распределялся от 22 до 74 лет, причем наибольшее число приходилось на возраст от 29 до 46 лет. Число учителей старше 60 лет незначительно — лишь единицы педагогов [9. С. 100].

Анализируя данные А. Петрова об образовании эмигрантских учителей, можно прийти к выводу о том, что наибольшее количество преподавателей окончило университеты и гимназии; довольно много среди них лиц, окончивших женский институт, учительскую и духовную семинарию, военное училище, а также высшие женские и педагогические курсы. Можно сказать, что при разнообразии специальностей и школ преподаватели с высшим образованием составляли около 39,5 % от всех учителей-эмигрантов, с образованием выше среднего — 13 %, со средним образованием — не менее 43 %, ниже среднего — около 4 %. Педагогов без образования или с так называемым домашним образо-

ванием насчитывалось менее 1 % [9. С. 101–104], что говорит о высоком уровне образованности учителей русского зарубежья.

Обсуждение роли учителя в решении психолого-педагогических проблем детей в эмиграции происходит в статьях К. Иванова «Педагогический съезд по вопросам школьного воспитания в Праге», А. Петрова «Первая Константинопольская гимназия Всероссийского союза Городов», В. Тукаевского «Русские школы в Финляндии» и др.

Результатом обработки собранных материалов стали выводы, что перед учительством эмиграции стояла непосильная задача — восстановить нормальное физическое и психическое состояние детей, дать определенный багаж знаний, ввести их в круг традиционной русской культуры, подготовить их к созидательной деятельности в будущей России. Русская зарубежная система образования выдвигала на первый план вопрос не столько об образовании, сколько о воспитании, она заменяла детям и семью, и общество. Директор Первой Константинопольской гимназии Всероссийского союза городов А. Петров в своей напутственной речи педагогическому коллективу говорил, что «наша школа должна стать, прежде всего, школой-семьей, где жизнь педагога неразрывно связана с детской жизнью, где не будет двух лагерей: мы” и “они”, а все будут спаяны воедино. Далее наша школа, в виду переживаемого времени, должна думать о воспитании воли, характера, борьбе с той дряблостью и мягкоте-

лостью, которая так разительно сказалась в русской интеллигенции в годину тяжких испытаний. Наконец, третье — и, может быть, самое важное: руководясь новейшими течениями педагогики и психологии, наша школа должна быть строго национальной, на нас лежит трудная и ответственная задача — сохранить в детях, а в нужных случаях зажечь святой огонь любви к утраченной Отчизне, познакомить их с величием родной истории, красотой родной поэзии и литературы — словом, дать знание и понимание родного края» [10. С. 97–98].

В свете предъявляемых особых требований к учителям русской школы за рубежом в педагогических кругах назрела проблема подготовки и переподготовки преподавателей. С этой целью в Праге в 1923 г. был открыт Русский педагогический институт им. Я. А. Коменского, который вплоть до его закрытия в 1927 г. подготовил более 100 учителей и являлся центром педагогического образования среди русских эмигрантов.

На страницах педагогических журналов русского зарубежья 1920–1940 гг. шло постоянное обсуждение проблем организации эмигрантской русской школы в разных странах:

- непрочность школьного бюджета;
- тяжелые условия работы русской школы за рубежом;
- материальное и правовое положение преподавательского состава;
- подвижность и неоднородность контингента учеников;
- удаленность места жительства учащихся от учебного заведения.

В рамках этого вопроса были проанализированы статьи, связанные с разработкой и выявлением путей решения проблем организации русских зарубежных школ: К. А. Александров «Доклад о положении русской беженской школы в Финляндии», А. Павлов «Русская гимназия Земгора в Праге», А. Петров «Первая Константинопольская гимназия Всероссийского союза городов», В. В. Руднев «Финансовое положение и перспективы беженской школы», А. Формак «Русская основная школа в Латвии» и др.

Анализ работ показал, что основной проблемой русских учебных заведений в эмиграции была непрочность школьного бюджета. Денежные средства центральных русских беженских организаций — Российского земско-городского комитета, Всероссийского союза городов, Всероссийского земского союза, Российского общества Красного Креста были исчерпаемы, определенных надежд на какие-либо новые источники финансирования русских учебных заведений не было. Самоокупаемость школ в связи с бедностью беженской массы не могла служить даже частичным базисом в деле помощи. Эти условия грозили прекращением деятельности школьной сети в различных странах проживания эмигрантов. Данную проблему наглядно показывает «Бюллетень Педагогического бюро»: «В июне месяце закончился учебный год. Но ни дети, ни учащие, ни родители не могут быть уверены, что осенью начнется новый учебный год, что школа будет существовать и дальше. Возможно,

что осенью текущего года многие русские дети будут вынуждены вновь на неопределенное время прервать наладившееся было учение» [5. С. 18].

Следующей проблемой явились крайне тяжелые условия работы русской школы за рубежом. Прежде всего, они выражались в недостатке учебников, учебных пособий, оборудования, канцелярских принадлежностей, литературы на родном языке. Учителям совместно с учащимися приходилось изготавливать своими руками различные таблицы, препараты, наглядный материал, иногда даже и собственно учебники. Некоторые заведения были вовсе лишены школьной мебели, плохо отапливались, уроки велись в тесных, непригодных для занятий комнатах, отсутствовали библиотеки.

Еще одна проблема — тяжелое материальное и правовое положение преподавательского состава русских школ за рубежом. Авторы педагогических журналов рассказывают, как учителя «по собственной инициативе начинают занятия безвозмездно или за гроши. Но и получая определенное вознаграждение, низведенное до минимальных размеров, они с трудом, особенно семейные, сводят концы с концами. Получая большей частью поурочное вознаграждение, они во время каникул лишаются заработка. <...> В некоторых учебных заведениях, вследствие недостатка средств, выдача жалования затягивалась на несколько месяцев, а некоторые и совсем распадались, и учителя оставались без заработка» [6. С. 72].

Значительную трудность в орга-

низации русских зарубежных школ представляли подвижность и неоднородность контингента учеников как по возрасту, так и по уровню подготовки. На страницах педагогических журналов приводится информация, что возраст старшеклассников достигал 20–25 и более лет, учащиеся одного класса были различны по прохождению курса в учебных заведениях различного типа, многие из которых не занимались образованием по 4–5 лет. Прием новых учеников приходилось производить в течение всего учебного года наряду с оттоком учащихся, что значительно затрудняло работу педагогов. В подтверждение этого показателя приведем данные о деятельности Первой константинопольской гимназии Всероссийского союза городов за 1921 г., опубликованные в журнале «Русская школа за рубежом»: общее число учеников в среднем колебалось от 300 до 350, а подвижность контингента учащихся за 13 месяцев составила 960 человек [10. С. 98].

Определенную сложность представляла удаленность места жительства учащихся от учебного заведения. Обследование школ в Финляндии, проводимое весной 1923 г. Российским земско-городским комитетом и изложенное в статье К. А. Александрова, показало, какое расстояние до школы приходилось проходить учащимся. Так, из восьми обследованных школ менее 1 км до учебного заведения проходили 378 человек, от 1 до 2 км — 194 учащихся, от 3 до 4 км — 95, от 5 до 6 км — 19, от 7 и более км — 14 человек [1. С. 54–72]. Не имея

необходимой одежды, тратя на дорогу в школу и обратно более часа ходьбы, ученикам в осеннее и зимнее время, в непогоду приходилось часто пропускать уроки.

Как показывает анализ материалов, опубликованных на страницах педагогических журналов, ввиду разобщенности беженской массы в каждой отдельной стране создание русской школы шло особым путем. Это не позволяло использовать общепедagogический опыт, накопленный за время проживания в эмиграции, и разрешить целый ряд принципиальных вопросов постановки учебного дела и управления образовательными учреждениями. С появлением в среде эмигрантов большого количества русских учебных заведений, педагогических объединений, существующих отдельно друг от друга, возникла потребность в создании центра, координирующего деятельность русской зарубежной школы.

Так, в резолюции I съезда деятелей средней и низшей русской школы за границей, опубликованной в «Бюллетене Педагогического бюро», видно, что эту роль взяло на себя Педагогическое бюро по делам средней и низшей русской школы за границей. Данный орган, «не обладая административными функциями управления... должен выполнять работу объединения русского школьного дела за границей, а также представительства в пользу его интересов в разного рода инстанциях, до международных включительно, и, наконец, должен служить справочным центром и содействовать местным учреждениям и учебным заведениям в изыскании

средств, необходимых для поддержания русской школы за границей» [12. С. 13].

Одно из ведущих мест на страницах педагогических журналов русского зарубежья занимают статьи, посвященные теории и практике преподавания цикла «Россика» в русских школах за рубежом как средства национального самосохранения. Национальный компонент содержания образования в русских эмигрантских школах был направлен на сохранение родного языка, русских традиций, воспитание любви и уважения к ценностям национальной культуры и включал в себя следующие предметы учебного плана: русский язык, литературу, историю, географию, Закон Божий, пение.

Итогом обсуждения теории и практики преподавания цикла «Россика» на страницах педагогической журналистики русского зарубежья 1920–1940 гг. стали программы по русскому языку, литературе, истории, географии, Закону Божьему и пению. Данные курсы могли видоизменяться в зависимости от местных условий и давали учителю общие методологические указания. В руках опытного преподавателя программы по русским предметам становились мощным оружием в деле национального самосохранения подрастающего поколения.

Большой вклад в преподавание географии внесли Ю. Д. Новоселов и

С. П. Орлов, в преподавание Закона Божьего — В. В. Зеньковский, С. Четвериков. Среди работ по методике преподавания предметов гуманитарной направленности следует отметить статьи П. М. Бицилли, Л. М. Сухотина об изучении истории в русской школе; работы М. В. Черносовой о проблемах музыкального развития детей; А. В. Ельчанинова и А. П. Петрова, посвященные русской литературе, Г. Я. Трошина о методах обучения чтению; Е. А. Елачича и С. И. Карцевского, затрагивающие вопросы изучения русского языка в эмигрантских школах.

Таким образом, основная проблематика педагогических журналов русского зарубежья 1920–1940 гг. заключалась в социально-психологической защите детства в условиях эмиграции, выявлении путей решения проблемы предотвращения процесса денационализации детей и юношества, сохранении традиций русской культуры и родного языка, разрешении проблем русского учительства, организации эмигрантской школы в разных странах. Решение многочисленных проблем образования подрастающего поколения и национального самосохранения детей и юношества в эмиграции осуществлялось в процессе национального образования и воспитания в учебных заведениях русского зарубежья.

Список литературы

1. Александров, К. А. Доклад о положении русской беженской школы в Финляндии / К. А. Александров // БПБ. — 1923. — № 3. — С. 54–72.
2. Бем, А. Л. Съезд деятелей средней и низшей русской школы за границей / А. Л. Бем // РШЗР. — 1923. — № 2/3. — С. 20–22.
3. Данные о современном состоянии русского учебного дела в Болгарии // БПБ. — 1923. — № 2. — С. 62–73.
4. Дехтерев, А. П. Школьный год (дневник воспитателя) / А. П. Дехтерев // РШЗР. — 1927–1928. — № 25. — С. 30–38.
5. Доклад Международному съезду преподавателей средней школы в Праге 27–30 августа 1923 г. // БПБ. — 1923. — № 2. — С. 15–18.
6. Долгоруков, П. Д. Русская беженская школа / П. Д. Долгоруков // РШЗР. — 1923. — № 1. — С. 71–79.
7. Зеньковский, В. В. Проблема школьного воспитания в эмиграции / В. В. Зеньковский // РШЗР. — 1929. — № 32. — С. 169–177.
8. Зеньковский, В. В. Детская душа в дни революции и теперь / В. В. Зеньковский // День русского ребенка. — 1943. — № 10. — С. 87–97.
9. Петров, А. П. Материалы к исследованию положения русской школы и учительства за границей / А. П. Петров // БПБ. — 1924. — № 4. — С. 100–107.
10. Петров, А. П. Первая Константинопольская гимназия Всероссийского союза городов / А. П. Петров // РШЗР. — 1924. — № 9. — С. 92–98.
11. Рауш-Траубенберг, Н. А. Дашкольные учреждения русской эмиграции в Чехии / Н. А. Рауш-Траубенберг // РШЗР. — 1931. — № 34. — С. 436–445.
12. Резолюции Съезда Деятелей средней и низшей русской школы за границей // БПБ. — 1923. — № 1. — С. 11–19.
13. Руднев, В. В. Условия жизни детей эмиграции / В. В. Руднев // РШЗР. — 1927–1928. — № 26. — С. 179–185.
14. Сопещение по борьбе с денационализацией. — Прага, 1925. — № 5. — С. 4–15.
15. Сопещение представителей русских учебных заведений в Болгарии // БПБ. — 1925. — № 7. — С. 63–78.
16. Учебный отдел Управления О.Р.С.М. // Вопросы школьной жизни. — 1934. — С. 31–47.
17. Шумкина, А. Воскресная школа / А. Шумкина // Вестник РСХД. — 1927. — № 6. — С. 17–25.